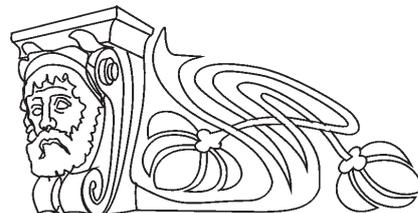

УДК 1 (470) : 373

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Г. С. БАТИЩЕВА: «ЧЕЛОВЕК ВОСХОДЯЩИЙ»

Даренский Виталий Юрьевич – кандидат философских наук, доцент департамента философии и религиоведения, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток.
E-mail: darenskiy1972@mail.ru

В статье рассматривается философия Г. С. Батищева как неклассическая (креативная) антропология. Анализируется предложенный им концепт «глубинного общения» как императив «человека восходящего». Показаны основания онтологии диалога в зрелом творчестве Г. С. Батищева и специфика концептуализации религиозного типа диалога как универсальной формы открытости «Я»–«Ты» - отношения, конституирующего личностное бытие человека. Проанализированы концепты «другодоминантности», открытости, «запороговых смыслов» и предельной «внемлемости», а также бытия как дара и «диалектики Универсума», лежащие в основе его концепции. Дан анализ гносеологических экспликаций «креативной антропологии», понятий «искание» и «опытно-исследовательская философия». Логика построения онтологии деятельностного подхода в философии Г. С. Батищева осуществлялось в направлении преобразования субъектности. Им была разработана экзистенциальная перспектива деятельностного подхода, что дало импульс развития в направлении анализа индивидуального бытия как со-бытия. Подлинный диалог как «глубинное общение» означает вхождение в духовную жизнь и является ее априорным условием. Согласно подходу Г. С. Батищева, философия становится «образом жизни» и лишь потом теоретизированием о ней. Самореализация является успешной, если человек включен в достаточное количество социальных отношений. Это модель человека, которую можно назвать «человеком восходящим». В философском плане «глубинное общение» становится не только одним из способов личностной самореализации, но и бытийным состоянием человека, которое не может заменять самореализацию в практической реальности, но их синтез обеспечивает экзистенциальную полноту человеческого бытия.

Ключевые слова: Г. С. Батищев, «человек восходящий», внемлемость, другодоминантность, искание.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-135-140

В последние годы активизировалось изучение творческого наследия известного русского философа Генриха Степановича Батищева (1932–1990), издаются собрания его трудов [1, 2], в Днепропетровске в 2015 г. была впервые защищена кандидатская диссертация, специально посвященная его творчеству [3]. Кроме того, в 2009 г. в известной серии сборников исследований и воспоминаний о российских философах второй половины XX в. вышел том под редакцией академика В. А. Лекторского, специально посвященный Г. С. Батищеву [4]. Интерес к его творчеству имеет несколько аспектов, которые уже были отмечены в работах исследователей.

Наиболее целостный анализ итоговой философской концепции Г. С. Батищева провел В. А. Малахов в своих статьях «Парадигма общения в философском творчестве Г. С. Батищева» [5] и «Рыцарь устремленности» [6]. В последней даны очень точные определения специфики философского этоса и стиля Г. С. Батищева, типологической «сверхзадачи» его работы. В. А. Малахов назвал его «рыцарем устремленности», поскольку у Г. С. Батищева мышление и даже «само существование» осуществлялись «в некоем особом онтологическом регистре: утверждая его в качестве человека внутреннего духовного Пути»; и отсюда та «проникновенность батищевской проповеди человека восходящего, открытого миру, бескорыстного в творчестве, посвящающего себя служению высшим ценностям бытия» [6, с. 358, 362]. А в статье «Проблема общения в постсекулярной философии (Э. Левинас и Г. Батищев)» В. А. Малахов определил принципы: 1) ценностной вертикали; 2) этики самоотдачи; 3) «другодоминантности» как «центральные для мысли Батищева периода его творческой зрелости» [7, с. 346].

Украинская исследовательница И. Д. Буцяк также акцентировала свое внимание на итоговом, религиозном периоде его философской эволюции и отметила, что «Генриху Батищеву в своих последних публикациях удалось в академической форме (почти эзоповым языком) концептуально изложить и выразить самые существенные идеи Православия» [3, с. 9].

А. А. Хамидов в своей обзорной статье к изданию работ философа «Философская одиссея Г. С. Батищева» отмечает: «Бросим теперь беглый взгляд на философию XX столетия. Много ли мы найдём философов, для которых философия была прежде всего исканием, а не просто профессиональным исследованием? Вряд ли. А Генрих Степанович Батищев именно таким и был <...> Его работа в философии была постоянным трансцендированием. Но это было трансцендирование отнюдь не в пределах только одной, избранной раз навсегда мировоззренческой парадигмы. Так обстоит у большинства, даже у великих,

философов. Взять хотя бы Г. В. Ф. Гегеля или Э. Гуссерля, М. М. Бахтина или Э. В. Ильенкова <...> Изменения и развитие у них происходят, но выхода за пределы однажды принятого масштаба – нет. Г. С. Батищев *трансцендировал* не только малые, но и большие, т. е. мировоззренческие, парадигмы. Но преодолевал он их и оставлял позади не раньше, чем понимал их границы и ограниченность» [8, с. 9]. Собственно, это *трансцендирование мировоззренческих парадигм* и является сущностным *гносеологическим коррелятом* того, что В. А. Малахов определил как особую «модель человека» у Г. С. Батищева – «человека восходящего» или «человека внутреннего духовного Пути».

Но именно такое принципиальное трансцендирование любых данных в настоящий момент мировоззренческих опор отнюдь не означает релятивизм, как это имеет место в рамках «постмодерной» мыслительной парадигмы, но, наоборот, становится *основанием духовной устойчивости*. Как писал сам Г. С. Батищев, «духовная устойчивость – это не прочность упрямой и слепой самотождественности, но непрерывность творческого самообновления, имеющего открытую в беспредельность перспективу. Значит, субъект остается субъектом отнюдь не по инерции, а, напротив, вопреки инертности, благодаря непрерывному самообновлению» [9, с. 128].

В этой статье мы продолжим концептуализацию такого видения поздней, постмарксистской философии Г. С. Батищева, ставшей одним из вариантов русского православного любомудрия, осуществленного на языке секулярного мышления, что придает ей особую ценность в наших условиях.

Г. С. Батищевым было введено в современный научный и философский оборот понятие «глубинное общение», которое обозначает специфику тех уровней коммуникации, которые связаны с экзистенциальным становлением личностей в процессе их взаимодействия. Сам термин, по-видимому, возник в результате переосмысления наследия М. М. Бахтина, у которого встречаются выражения «бытие человека... есть *глубочайшее общение*» и «*глубинный диалогизм слова*» [10, с. 330, 336]. В батищевском понимании «глубинное общение» предстает как *особый тип человеческого поступка, приводящий к фундаментальной трансформации смысло-жизненной доминанты личности*. В европейской традиции в качестве близкого можно отметить понятие «экзистенциальная коммуникация» К. Ясперса. Основной принцип и критерий перехода от поверхностного к глубинному общению Г. С. Батищев определяет заимствованным у

А. А. Ухтомского понятием «доминанта на другого», которое означает «устремленность человека каждым своим поступком и всею жизнью не к тому, чтобы сначала требовать от других и от всего мира убедительности *для себя*, надежности *для себя*, заслуженности доверия к ним в *своих* глазах и т.п., но совсем напротив, – именно к тому, чтобы *начать с себя ради всех других* – чтобы от себя потребовать убедительности *для других* и для всего Универсума, от себя – надежности *для других*, от себя – *бытия достойным* и заслуживающим доверия *других*» [11, с. 128].

Понятие «глубинного общения» фиксирует особую бытийную установку личности, при которой культивируется её позитивная открытость Другому как носителю насущного для неё опыта, её реальная способность к саморазвитию в горизонте ответственности перед Универсумом. Развивая свою концепцию, Г. С. Батищев выделял семь основных «универсалий культуры глубинного общения»: 1) *мироутверждение* как «предпочтение не себя – Универсуму, но Универсуму – себе <...> предпочтение беспредельности без всяких условий и ограничений её *своим* заранее установленным мерилom»; 2) «универсальная взаимная со-причастность *каждого* всем субъектам в Универсуме и *всех – каждому*»; 3) «приоритет *безусловно-ценностного* отношения к миру над любыми, сколь угодно важными, но условно-локальными и исторически ограниченными началами, целями, интересами и т.п.; приоритет абсолютного над относительным, высшего над низшим, более совершенного над менее совершенным»; 4) осознанная «*доминантность на всех Других* <...> позиция *несвоемерия*... позиция принципиального *несвоецентризма*»; 5) «*предваряющее утверждение достоинства каждого другого* в неявных, виртуальных слоях его бытия, в его возможности быть *инаковым*»; 6) «*творчество как свободный дар встречи, дар междусубъектности* <...> именно глубинное общение делает возможным творчество как *сдвиг самого порога распредечиваемости*»; 7) «*со-творчество* <...> дух полифонического сотрудничества» [12, с. 126–129].

Главным содержанием глубинного общения являются процессы духовно-экзистенциального самоопределения личности, принципиально не сводимые лишь к процессам передачи информации и освоения деятельностных форм. Безусловно, наличие общего информационного и деятельностного «поля» является необходимой предпосылкой для возникновения «глубинного общения» личностей, однако последнее тем не менее остаётся «избыточным» по отношению к этому «полю». Предметная специфика «глу-

бинного общения» состоит в том, что те содержания личностного бытия и сознания, которые в данном случае становятся предметом коммуникации, не могут быть представлены *только* в виде «количества информации» и некоей форме материального знака с определённым кругом значений. Необходимыми условиями восприятия тех знаково-символических форм, посредством которых происходит «глубинное общение» личностей, является: а) «включённость» этих форм в самый широкий, до конца не рационализируемый контекст бытия субъекта общения; б) «включённость» самого субъекта общения в воспринимаемое (или передаваемое) им содержание, которая хотя бы в минимальной степени приводит к его личностной трансформации. В самом общем виде можно утверждать, что *главным критерием наличия процесса «глубинного общения» личностей (поскольку чаще всего оно однозначно не идентифицируемо для «внешнего наблюдателя») является трансформация хотя бы одной из них в сторону содержательного обогащения её «внутреннего мира», проявляющегося затем в изменениях стратегий её социального поведения.* В отличие от информационного обмена, «глубинное общение» носит характер *непредопределённости*, оно сущностно опосредовано экзистенциальной *свободой и открытостью* сознания новым смыслом.

Г. С. Батищев выделяет ключевой, аксиологически и онтологически первичный выбор, в котором определяется дальнейшая духовная эволюция человека: это выбор между «своецентризмом», при котором человек остается закрытым для мира, превращая последний в объект «освоения-присвоения», и альтернативной этому позиций (вектором самопреобразования). «Если же выбор делается решительно альтернативный, неантропоцентристский <...> то указанные своемерные ограничения отпадают, и тогда человек оказывается призванным к открытости принципиально более глубокой, многоуровневой <...> Тогда от человека требуется <...> состояние величайшей напряженности и беспощадной проблематизации самого себя, полной проникнутости со-причастностью и ответственностью <...> состояние предельного бодрствования и духовной жажды... бесхитростной *внемлемости*, внутренней тишины <...> ради того, чтобы дать в себе место *новому дарованию*. Ибо речь идёт именно о продолжающемся генезисе человека, о его незавершённом становлении» [11, с. 320–322]. Императив *предельной внемлемости дару* является основой нравственной модели «человека восходящего». В рамках этого императива «все сущее – былое, настоящее и грядущее – высту-

пает не как категорически такое, как оно “дано”, но “под вопросом”, всецело проблематизировано и проблематично <...> Весь мир для креативного отношения предстает как в себе самом незавершённый, неполный, недостроенный, и именно с позиций этого отношения субъект берет на себя обязательство и решимость устремленно *строить мир дальше* и, быть может, лучше, чем если бы он был по-прежнему предоставленным самому себе. Отсюда вырастает и способность к коренным новообразованиям в мире, но, разумеется, отнюдь не ради корыстно-человеческой пользы и не ради своемерной “самооригинальности”, а лишь ради <...> диалектики вечного совершенствования, космогенеза. Созидание человеческой культуры достойно быть посвященным не локально-земным заботам, а всекосмическому ее смыслу» [13, с. 156].

Восхождение как преобразование самой человеческой сущности в результате открытости и предельной внемлемости и открытости дару бытия и открывающимся в нем новым для человека, «запороговым» смыслам становится возможным только в результате самопроблематизации человека, его мышления и всего его мироотношения. Поэтому «недоступное человеку содержание бытия приоткрывается ему, проблематизируется и выступает как “поставленное под вопрос” лишь тогда и в той мере, в какой *сам человек* “ставит себя под вопрос”, расплавляет в себе все затвердевшее в инертной категорической определенности <...> Только отдаваясь этому огненному потоку обновления своими запороговыми слоями бытия, субъект обретает возможность приобщиться к чему-то запороговому в беспредельной и неисчерпаемой действительности» [13, с. 156–157].

Как справедливо отмечал В. Н. Шердаков, «для Батищева любой вид деятельности должен быть рассмотрен с позиций высшего смысла жизни и назначения человека», поскольку «никакая человеческая деятельность сама по себе не может породить креативное отношение человека к миру и самому себе, ценностное по своей сути отношение» [14, с. 93]. Таким образом, концепция «глубинного общения» Г. С. Батищева позволила «по-новому осмыслить проблему творчества в пересечении гносеологического, онтологического и аксиологического ракурсов, выявить принципиальные ограничения деятельностного подхода в истолковании сущности человека, преодолеть и панлогизм, и психологизм в истолковании творчества» [14, с. 93]. Очерченные смысловые и структурные аспекты философии «глубинного общения» как своего рода *креативной антропологии* открывают перспективу анализа *процессов творческого самопреобразования* человека.

Отметим, что онтологические основы глубинного общения укоренены в сущности человека как цельного телесно-душевно-духовного существа и в смысловых «архетипах» культуры, имеют самое непосредственное проявление в эмпирических ситуациях взаимодействия индивидов, групп и целых культурных общностей тогда, когда возникает либо обостренное взаимное непонимание, или же, наоборот, такое глубинное взаимное понимание, которое создает переживание «внутреннего родства». Именно эти две предельные ситуации и следует взять в качестве «модельных» для исследования глубинного общения (тогда все другие ситуации можно трактовать как смешанные или переходные). Общей закономерностью возникновения предельных ситуаций общения является то, что в них возникает конфликт или же особая близость не каких-то частных мнений и оценок людей по поводу явлений внешнего или даже их внутреннего мира, но конфликт или близость *моделей личностного бытия* и связанных с ними исходных смысложизненных и мировоззренческих ориентаций. На уровне обычного (рутинного) социального взаимодействия людей, имеющего прагматический (в широком смысле слова) характер, такого рода конфликтов или близости не возникает, поскольку сама его предметность не допускает перехода на этот уровень общения. Тем не менее прагматическая коммуникация всегда содержит в себе «пусковые механизмы» личностных конфликтов или особой близости на уровне ценностных и смысложизненных ориентаций. Эти механизмы могут «срабатывать» в конфликтных ситуациях.

Концепция «глубинного общения» стала результатом разрешения той философской проблемы, которая была сформулирована Г. С. Батищевым в качестве итога его книги «Введение в диалектику творчества» (1981). Здесь он сделал вывод: «необходимо не просто соединить и спаять воедино между субъектностью и творчеством <...> Необходимо и первостепенно важно разглядеть в этом слитном единстве, в этом глубинном тождестве тот универсальный принцип, только из которого и можно понять также и все формы их разъединенности и разорванности, все их превратные формы существования и проявления. Нет на свете более творческого дела, нежели между субъектное общение. И нет более общительного процесса, нежели творчество. Творчество по самой сути своей между субъектно. Оно есть все высшее и тончайшее в человеческом деянии, претворяемом как работа общительности» [15, с. 436].

Позднее, уже в одной из своих итоговых работ Г. С. Батищев так сформулировал онтоло-

гический статус общения: «в понятие “общение” можно вкладывать и такой смысл, который по сути онтологичен и в высокой степени мировоззренчески значим. Раскрытие его затрагивает самую сущность познания и его итоговое назначение. Речь идет уже не о коммуникативных процессах, не о поддающихся передаче и сообщению фрагментах или производных проявлениях человеческого бытия, но именно о нем самом как целостности. В последнюю следует включать и те его ярусы, которые не распределены, т. е. за пределами для деятельности и поэтому коммуникации недоступны. Это <...> сугубо бытийные отношения между людьми: отношения общения. Это такие онтологические узы, которые связывают субъектов друг с другом» [9, с. 119].

Такая онтология глубинного общения, в свою очередь, вскрывает внутреннюю парадоксальность самостановления самого субъекта, которая раскрывается и становится очевидной именно в горизонте онтологии общения. Как пишет Г. С. Батищев, «парадоксальность между субъектного общения такова: чтобы быть *самим собой*, человек должен до определенной степени быть *не совсем тем же самым*, каким был прежде. Если ему нечего принести на встречу с другим, кроме повторения самого себя прошлого, стереотипного в действиях и словах, то ему просто-напросто нечем лично быть по отношению к другому <...> Напротив, если человек при встрече с другим оказывается не просто копией себя же вчерашнего, а обогащенным новыми реальными или идеальными содержаниями жизни, если приносит другому что-то найденное и обретенное им, вновь возникшее в его душевно-духовном мире, то тем самым он и другого воспламеняет радостью духовного обогащения и обновления» [9, с. 128–129].

Гносеологическими экспликациями «креативной антропологии» Г. С. Батищева являются понятия «искание» и «опытно-философия». Первое из них непосредственно соотносится с обычным понятием познания в качестве его экзистенциальной трансформации: «исследование отличается тем, что <...> позволяет субъекту сохранить *ту же самую* онтологическую и аксиологическую позицию, помогает в попытках остаться прежним, но зато лучше и более полно оснащенным возможностями и инструментами (вектор *своецентристский*: к себе и ради себя). Задачи *искания*, напротив, зовут субъекта отправиться в путь своего становления *иным*, мотивируя это уже *не своемерными интересами, а притягательными ценностями*» [9, с. 134–135]. Поэтому в своих предельных интенциях «когнитивная и креативная устремленности резко,

антиномически расходятся между собой. Первая берет мир, предуготованный <...> таким, каков он есть, как бы кристаллизуя его. Вторая, напротив, берет мир не обязательно таким, каким она его застаёт, но могущим быть *и иным* в сколь угодно глубоких своих характеристиках. Повсюду она видит мир как чреватый своей радикальной *инаковостью*, обновляемостью, как бы “декристаллизуя” его, расплавляя в потоке порождения заново. Она принимает его так, *как если бы он создавался заново*, даже если и не вносит в него ничего нового» [13, с. 157].

К последнему типу познания – познанию как исканию и креативному созиданию смыслов – относится и философия. Исходя из этого, Г. С. Батищев пишет об изначальности «опытной» философии – «той, которая направлена не на продуцирование философских текстов для других, а на выполнение философом работы внутри своей собственной жизни и на территории своего собственного душевно-духовного мира. Это – философия как работа над самим собой, как духовно-практический опыт реального процесса “вырабатывания внутреннего человека”, – а от этого опыта, при обеспеченности этим опытом может также излагаться и повествоваться некая его проекция вовне – в виде текстов, в виде произведений» [16, с. 149].

Обоснованный Г. С. Батищевым императив предельной «внемлемости», открытости дару иной реальности, иному бытию и смыслу имеет принципиальное значение для переориентации сознания и мироотношения человека. Этим императивом сама «сущность» человека становится *свободно творимой* в модусе «бодрствования и духовной жажды», продолжая духовно-экзистенциальный «автогенезис» (самопреобразование) человека в горизонте высших ценностей. Исходя из этого, философию «глубинного общения» Г. С. Батищева можно назвать *креативной антропологией*. В ее основе лежит нравственный образ и особая жизненная модель «человека восходящего» или «человека внутреннего духовного Пути».

Список литературы

1. Батищев Г. С. Избр. произв. / под общ. ред. З. К. Шаукеновой. Алматы, 2015. 880 с.
2. Батищев Г. С. Философско-педагогические произведения : собр. соч. : в 2 т. / сост., вступ. ст., примеч. А. А. Хамидова. Бийск, 2015.
3. Буцяк І. Д. Концепція «глибинного спілкування» : філософсько-педагогічний аспект : автореф. дис. ... канд. філос. наук. Дніпропетровськ, 2015. 20 с.
4. Генрих Степанович Батищев / под ред. В. А. Лекторского. М., 2009. 336 с.
5. Малахов В. А. Парадигма общения в философском творчестве Г. С. Батищева // Генрих Степанович Батищев / под ред. В. А. Лекторского. М., 2009. С. 243–312.
6. Малахов В. А. Рыцарь устремленности. О Генрихе Батищеве и его книге // Малахов В. А. Уязвимость любви. Киев, 2005. С. 343–352.
7. Малахов В. А. Проблема общения в постсекулярной философии (Э. Левинас и Г. Батищев) // Малахов В. А. Уязвимость любви. Киев, 2005. С. 353–373.
8. Хамидов А. А. Философская одиссея Г. С. Батищева // Батищев Г. С. Избр. произв. / под ред. З. К. Шаукеновой. Алматы, 2015. С. 6–44.
9. Батищев Г. С. Познание, деятельность, общение // Теория познания : в 4 т. Т. 2. Социально-культурная природа познания. М., 1991. С. 119–135.
10. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. 586 с.
11. Батищев Г. С. Не деянием одним жив человек // Деятельность : теории, методология, проблемы. М., 1990. С. 317–324.
12. Батищев Г. С. О культуре глубинного общения // Вопр. философии. 1995. № 3. С. 116–129.
13. Батищев Г. С. Познание и творчество // Теория познания : в 4 т. Т. 2. Социально-культурная природа познания. М., 1991. С. 136–169.
14. Шердаков В. Н. Г. С. Батищев : в поиске истины пути и жизни // Вопр. философии. 1995. № 3. С. 91–95.
15. Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества. СПб., 1997. 467 с.
16. Батищев Г. С. Философия как работа человека над самим собой // Философское сознание : драматизм обновления. М., 1991. С. 146–151.

Образец для цитирования:

Даренский В. Ю. Философско-антропологическая концепция Г. С. Батищева: «человек восходящий» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 135–140. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-135-140.

Philosophical Anthropology of G. S. Batishhev: Conception of «Ascenting Man»

V. J. Darenskiy

Far Eastern Federal University
8, Sakharova str., Vladivostok, 690091, Russia
E-mail: darenskiy1972@mail.ru

The author considers the specifics of G. S. Batishhev's philosophy as a non-classic anthropology. The concept of «profound communication» is considered to be the fundamental principle of the relation of a person with other people, the world and the God. It has been given reason that the dialogical principle has achieved the entire development in G. Batishhev's works. It has been shown that characteristic property of «religious» dialogue is its vertical cutoff and a presence of

the "universal" ontological coordinate in dialogue, which is the God. Phenomenon of dialogue is interpreting here as a unity of individual and common in human experience. The concept of «You» («Thou») in its metaphysical sense considered here as a key of this problem, therefore the phenomenon of existential openness (being as a «My»–«You»-relation) is interpreted here as an intersubjective process of a constituting of the personal being. Special attention in this article is devoted to interpretation of «inner mechanisms» of moral activity as a phenomenon of behavior according to «dominant on Other». The logic of developing ontology of activity approach in G. S. Batishchev's philosophy was carried out in the direction of converting personal subjectivity. The existential prospect of grounding of activity approach allows G. S. Batishchev's concepts to get new impulses of development in the direction of integrity and subjectivity of individual existence as co-existence. The authentic dialogue as a «profound communication» proceed only in the field of spiritual life, and with what it takes for human beings to be formed so as to lead such a life. According G. S. Batishchev's approach, philosophy becomes «a way of life», and theorising a secondary activity, worthwhile only in so far as it served the way of life. Self-realization is successful if an individual is included in a sufficient number of social relations. This typos of person can be called «ascending man», and in philosophical terms the «profound communication» becomes not only one of the ways of the personality self-realization, but the manner of one's existence. The self-realization by «profound communication» cannot replace the self-realization in the practical reality, but their synthesis ensures more successful existential fulfillment.

Key words: philosophical anthropology, G. S. Batishchev, «ascending man».

References

1. Batishchev G. S. *Izbr. proizv.* (Selected works). Ed. by Z. K. Shaukenovoy. Almaty, 2015. 880 p. (in Russian).
2. Batishchev G. S. *Filosofsko-pedagogicheskie proizvedeniya* (Philosophy and pedagogic works). *Sobr. soch.:* v 2 t. (Collected works: in 2 vol.). Ed. by A. A. Hamidov. Biysk, 2015 (in Russian).
3. Butsyak I. D. *Konceptsiya «glibinnogo spilkuvannya»: filosofsko-pedagogichniy aspekt: avtoref. dis. ... kand. fil. nauk* (Conception of «profound communication»: philosophy and pedagogic aspects: autoref. diss. ... cand. of philosophy). Dnipropetrovsk, 2015. 20 p. (in Ukrainian).
4. *Genrikh Stepanovich Batishchev*. Ed. by V. A. Lektorskiy. Moscow, 2009. 336 p. (in Russian).
5. Malakhov V. A. *Paradigma obshheniya v filosofskom tvorchestve G. S. Batishcheva* (Paradigm of communication in creativity of G. S. Batishchev). *Genrikh Stepanovich Batishchev* (Genrikh Stepanovich Batishchev). Ed. by V. A. Lektorskiy. Moscow, 2009, pp. 243–312 (in Russian).
6. Malakhov V. A. *Rytsar ustremlyennosti. O Genrikhe Batishcheve i ego knige* (Knight of striving: about Genrikh Batishchev and his book). Malakhov V. A. *Uyazvimost lyubvi* (Vulnerability of love). Kiev, 2005, pp. 343–352 (in Russian).
7. Malakhov V. A. *Problema obshheniya v postsekulyarnoy filosofii* (Je. Levinas i G. Batishchev) (Problem of communication in post-secular philosophy {Je. Levinas and G. Batishchev}). Malakhov V. A. *Uyazvimost lyubvi* (Vulnerability of love). Kiev, 2005, pp. 353–373 (in Russian).
8. Khamidov A. A. *Filosofskaya odissey G. S. Batishcheva* (Philosophic travel of G. S. Batishchev). Batishchev G. S. *Izbr. proizv.* (Selected works). Ed. by Z. K. Shaukenova. Almaty, 2015, pp. 6–44 (in Russian).
9. Batishchev G. S. *Poznanie, deyatelnost, obshhenie* (Cognition, activity, communication). *Teoriya poznaniya: v 4 t. T. 2. Sotsialno-kulturnaya priroda poznaniya* (Theory of cognition: in 4 vol. Vol. 2. Social and cultural essence of cognition). Moscow, 1991, pp. 119–135 (in Russian).
10. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* (Aesthetic of words creativity). Moscow, 1986. 586 p. (in Russian).
11. Batishchev G. S. *Ne deyaniem odnim zhiv chelovek* (A man living n only in activity). *Deyatelnost: teoriya, metodologiya, problemy* (Activity: theory, methodology, problems). Moscow, 1990, pp. 317–324 (in Russian).
12. Batishchev G. S. *O kulture glubinnogo obshheniya* (About culture of profound communication). *Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 1995, no. 3, pp. 116–129 (in Russian).
13. Batishchev G. S. *Poznanie i tvorchestvo* (Cognition and creativity). *Teoriya poznaniya: v 4 t. T. 2. Sotsialno-kulturnaya priroda poznaniya* (Theory of cognition: in 4 vol. Vol. 2. Social and cultural essence of cognition). Moscow, 1991, pp. 136–169 (in Russian).
14. Sherdakov V. N. *G. S. Batishchev: v poiske istiny puti i zhizni* (G. S. Batishchev: in the seeking of truth of path and life). *Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 1995, no. 3, pp. 91–95 (in Russian).
15. Batishchev G. S. *Vvedenie v dialektiku tvorchestva* (Introduction in dialectic of creativity). St. Petersburg, 1997. 467 p. (in Russian).
16. Batishchev G. S. *Filosofiya kak rabota cheloveka nad samim soboy* (Philosophy as a humans work upon mimsel). *Filosofskoe soznanie: dramatism obnoveniya* (Philosophical consciousness: dramatic renewing). Moscow, 1991, pp. 146–151 (in Russian).

Cite this article as:

Darenskiy V. J. Philosophical Anthropology of G. S. Batishchev: Conception of «Ascending Man». *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 135–140. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-135-140.